

жется крайне неразумным так дуться из-за какого-то взгляда, поскольку нет ничего диковинного в том, что люди, встретившиеся в первый раз, обмениваются взглядами и внимательно друг друга рассматривают, стараясь ничего не упустить, – особенно если это люди из разных стран, встречающиеся не так уж часто. И это единственная причина, по которой принцесса, движимая женским любопытством, не отрывает глаз от француза.

Взвесив мысленно эти доводы, принц несколько успокоился душой, – но со всем тем он не мог не испытать крайнего раздражения, когда у сеньора Гонзага из-за перемены погоды начался приступ подагры, и это обстоятельство задержало съёра д'Алегра в доме маркизы. Сам же молодой Адилон был в этом доме желанным гостем, которого (я думаю, к его удовольствию) принимали словно родного сына, так что он привык бывать там запросто. И однажды случилось вот что: неслышно переходя из покоя в покой, принц увидел в одном из них уединившуюся инфанту, которая причесывала распущенные волосы, сидя у окна. Едва лишь он ее заметил, тотчас же, влекомый нескромной игривостью и любовным безрассудством, подбежал к ней и двумя ладонями сжал ей сзади голову, как это обычно делают, когда в шутку хотят загадать, кто пришел. Принцесса от неожиданности вздрогнула, но затем опомнилась и, засмеявшись, сказала:

– Боже мой, неужели учтивость, которая свойственна вам, французам, в обхождении с дамами, велит нападать на них сзади, монсеньор д'Алегр? Вы меня, однако, крайне напутали; Вовеки бы я не подумала, что вы настолько дерзки и можете подобным образом наброситься на девушку, когда она сидит в своей комнате одна.

Представляю вам судить, как был поражен этими словами принц и какой нос вырос у него из-за его пустого любопытства: нетрудно, впрочем, предположить, что он пожелал унести далеко-далеко оттуда, где находился, и думал лишь о том, как ему выбраться наружу, ибо понимал, что если принцесса его увидит, ее позор отнюдь не принесет ему пользы. В этом же убеждало его доказательство от противоположного: история Гигеса⁴⁹² и Кандавла. Потому он вконец растерялся и, не находя иного способа спасти свою честь, продолжал удерживать принцессу, которая вновь принялась его укорять, сказав:

– Ну же, довольно притворяться, маска ни к чему, если скрывающийся под ней узан. Пустите меня, друг мой, я совсем не та, от кого вам нужно прятаться.

Этот новый удар был невыносим для принца, получившего несомненное доказательство близости, которой он более всего опасался. И его взяла такая досада, что, отыскав глазами дверь, в какую вошел, он бросился к ней, понимая, что мешкать нельзя, и стремительно скрылся, спасаясь от срама, которым грозило ему разоблачение. Но если он бежал в весьма расстроенных чувствах, то не меньше огорчилась принцесса, которая, хотя и не замедлила повернуть голову, чтобы видеть убежавшего, все же не смогла его разглядеть сквозь густую вуаль золотых волос, падавших ей на лицо. И она была несказанно опечалена тем, что говорила так откровенно и неосторожно. Удручало ее и то, что не удалось узнать дерзкого шутника, и она начала строить различные догадки, уверяясь все тверже, что им не мог быть ее д'Алегр; но больше всего ее тяготило подозрение, что это был Адилон, которого она ненавидела еще сильнее, чем тот ее любил. По этой причине и спустя долгое время не могли они смотреть друг на друга без стыда, притом что никогда не говорили о случившемся ни между собой, ни с кем другим. Принц же решил быть с сеньором д'Алегром более ласковым, чем прежде, тайно лелея в своей черной душе замысел жестокой мести.

О несправедная любовь, сколько ты знаешь способов тиранить людские сердца! Одних сжигаешь ты слепой страстью, других – безрассудной ревностью, а тех, с кем хочешь обойтись наиболее сурово, истязает унылым отчаянием, вынуждая их находить отраду и прибежище в кровавом мщении. Так, к великому несчастью, случилось и с этим обиженным влюбленным: видя, что его (занявшего место первым) опередил рыцарь из Франции, не по праву, как ему мнилось, пожиная чужую ниву, он, словно влекомая бешеными лошадьми колесница, отдался неистовой злобе, которую не могло унять ничто, кроме гибели человека, никогда не делавшего ему дурного. Подчинившись власти этих жестоких помыслов, принц употребил все силы на разыскание наилучшего средства к утолению своей ярости, надеясь впоследствии, когда он избавится от удачливого соперника, более легко добиться благосклонности возлюбленной, так как со спросом упадет и цена. Но он понимал, что придумать хороший способ непросто, а воспользоваться им еще

⁴⁹² Гигес – легендарный молодой лидийский пастух, у которого было волшебное кольцо, делавшее его невидимым. Он стал первым министром царя Лидии Кандавла, затем убил его и завладел его тронem.